СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА
и
СѢВЕРНЫЙ АРХИВЪ.

1831 № L.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Таинственный гость (*).

Повѣсть Гофмана.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Протяжно завывалъ вѣтеръ, предвѣстникъ близкой зимы, и гналъ передъ собою густыя тучи, мрачныя нѣдра коихъ тяготѣли дождемъ и градомъ.

„Никто не посѣтитъ насъ въ этотъ вечеръ,“ сказала супруга Полковника Гранвилля дочери своей Ангеликѣ въ то время,

(*) Повѣсть сія совершенно основана на мнѣніяхъ о магнетизмѣ животномъ.... Она есть сатирическая картина, имѣвшая большой успѣхъ въ Германіи, и особенно въ Берлинѣ, гдѣ полагали, что узнаютъ даже дѣйствующія лица.

какъ стѣнные часы прозвучали семь. „Дурная погода задержитъ друзей нашихъ.“

Въ сію минуту молодой Маіоръ Морицъ Рейнбергъ вошелъ въ залу. За нимъ слѣдовалъ молодой Адвокатъ, остроуміе и неистощимая веселость коего одушевляла всегда небольшой кругъ гостей, собиравшихся по Пятницамъ въ домѣ Полковника; такимъ образомъ составилось общество, которое, по замѣчанію Ангелики, — и не увеличиваясь — не потеряло бы своего достоинства. Въ залѣ было холодно; Г-жа Гранвилль приказала затопить каминъ и подать самоваръ.

„Для васъ, господа,“ сказала она, — „приведенныхъ къ намъ истинно-рыцарскимъ геройствомъ, не смотря на бурю и вѣтеръ, — будетъ не совсѣмъ пріятно наше безвкусное женское питье. Маргарита приметъ на себя трудъ изготовить вамъ сѣверный напитокъ, который отлично разгоняетъ морозные туманы.“

Маргарита, молодая Француженка, жившая въ домѣ Баронессы для обученія природному языку ея Ангелики, вошла и исполнила то, что ей было велѣно.

Вскорѣ синее пламя отъ пунша поднялось со дна круговой Китайской чашки, дрова затрещали въ каминѣ, и всѣ стѣснились вокругъ столика. Съ минуту длилось молчаніе,

въ продолженіе коего явственно слышались свистъ и завываніе чудесныхъ голосовъ, загнанныхъ въ каминъ бурею. . . .

— „Какъ хорошо устроено въ мірѣ,“ сказалъ Дагобертъ, молодой Адвокатъ: „что осень, бурные вѣтры, каминный огонь и пуншъ — суть четыре нераздѣльныя вещи, раждающія притомъ въ насъ нѣкоторое расположеніе къ ужасу.“

„Который, однако жъ, не безъ особенной прелести,“ прибавила Ангелика. „Не знаю, какое ощущеніе можетъ быть пріятнѣе легкаго трепета, пробѣгающаго по всѣмъ нашимъ членамъ, когда мы (Богъ знаетъ, какимъ образомъ) бродимъ съ открытыми глазами въ мірѣ мечтательномъ.

— „Вотъ это-то именно чувство владѣло сей часъ нами,“ сказалъ Дагобертъ: „и небольшое путешествіе, сдѣланное въ другой міръ умомъ нашимъ, было причиною минуты молчанія. Порадуйтесь, что она прошла: мы опять возвратились къ вещественности, которая доставила намъ этотъ чудесный напитокъ!“

„Ахъ!“ сказалъ Морицъ: „если ты чувствуешь такъ же, какъ прекрасная Ангелика и какъ я, всѣ прелести ужаса этой минуты, этой мечтательности, то для чего не хочешь остаться въ ней долѣе?“

— „Позволь замѣтить, другъ мой,“ сказалъ Дагобертъ: „что у насъ нейдетъ теперь дѣло о мечтательности, наводимой бурею и зимнимъ огнемъ, гдѣ умъ нашъ дозволяетъ себѣ парить въ мірѣ чудесъ и свободно увлекается, но о томъ расположеніи, существующемъ въ природѣ людей, которое напрасно хотимъ преодолѣть мы, и должны всячески избѣгать предаваться ему; я говорю тебѣ о страхѣ къ мертвецамъ. — Всѣмъ намъ извѣстно, что непріязненная толпа жильцовъ того свѣта и духи выходятъ изъ глубины мрачныхъ жилищъ своихъ только подъ кровомъ темной ночи, и преимущественно той, когда свирѣпствуетъ буря; по этому весьма простительно, что въ подобное время мы опасаемся непріязненныхъ посѣщеній.“

„Вы шутите, Дагобертъ, говоря, что этотъ страхъ въ природѣ нашей,“ сказала Баронесса: „а я скорѣе припишу это сказкамъ кормилицъ и глупымъ исторіямъ, которыя набиваютъ намъ въ голову съ нашего младенчества.“

— „Нѣтъ,“ вскричалъ Дагобертъ съ живостію. „Нѣтъ, Баронесса! Эти сказки, драгоцѣнныя намъ въ ребячествѣ, не отзывались бы вѣчно въ душѣ нашей, если бы не было въ насъ струнъ, ихъ повторяющихъ. Нельзя отвергнуть существованія міра

сверхъестественнаго, коимъ окружены мы и который открывается намъ часто въ чудныхъ звукахъ и странныхъ видѣніяхъ. Робость и ужасъ, тогда нами чувствуемые, сближены съ тѣлесною частію нашей организаціи; это болѣзнь души, заключенной въ тѣлѣ нашемъ."

„Вы мечтатель," сказала Баронесса: — „мечтатель, какъ всѣ люди съ пылкимъ воображеніемъ. Но согласясь даже съ мыслями вашими, полагая, что безвѣстные духи точно могутъ являться въ чрезвычайныхъ звукахъ и видѣніяхъ, я не понимаю, для чего природа помѣстила существа міра невидимаго такъ непріязненно противу насъ, что мы не можемъ предчувствовать приближенія ихъ безъ особеннаго ужаса. . . . ."

— „Можетъ быть," сказалъ Дагобертъ: „это наказаніе, насылаемое намъ матерью, отъ которой мы безпрестанно отдаляемся, какъ неблагодарныя дѣти. Я полагаю, что въ золотой вѣкъ, когда люди жили въ счастливой гармоніи со всею природою, ни какая боязнь, ни какой ужасъ не смущали ихъ; потому что въ такомъ мирѣ, въ такомъ прекрасномъ согласіи всѣхъ существъ не было врага, котораго присутствіе могло бы вредить имъ. Я началъ было говорить прежде о мрачныхъ звукахъ; странно то, что — хотя мы и

знаемъ происхожденіе ихъ, — они отзываются въ слухѣ нашемъ чѣмъ то ужаснымъ, и пробуждаютъ въ насъ темныя и печальныя мысли! — Чудеснѣйшіе изъ всѣхъ этихъ звуковъ — воздушная музыка, или музыка дьявола на островѣ Цейлонѣ, о которой говоритъ Шубертъ въ своихъ ночныхъ изслѣдованіяхъ природы. — Голосъ этотъ слышится въ тихіе вечера, подобно жалобному стону; онъ раздается то вблизи, то въ отдаленіи, умолкая постепенно, и дѣлаетъ такое впечатлѣніе на человѣка, что наблюдатели, самые благоразумные и смѣлые, не могли безъ ужаса слышать оный."

„Нѣтъ ничего справедливѣе этого!" сказалъ Морицъ, прерывая своего друга. „Я никогда не бывалъ на островѣ Цейлонѣ; однако жъ слышалъ этотъ чудесный голосъ; — и не я одинъ, но всѣ, которые также со мной слышали — ощущали чувство, описанное Дагобертомъ."

„Ты вѣрно сдѣлаешь мнѣ удовольствіе: разскажешь все какъ было," сказалъ Дагобертъ. „Тогда можетъ быть успѣешь ты убѣдить г-жу Баронессу."

„Вы знаете," началъ Морицъ: „что я сражался въ Испаніи, противъ Французовъ, подъ предводительствомъ Веллингтона. Предъ сраженіемъ при Викторіи, я стоялъ одну

ночь на бивакахъ, въ открытомъ полѣ, съ кавалерійскою дивизіею Англичанъ и Испанцевъ. Утомленный переходомъ въ минувшій день, я спалъ глубокимъ сномъ: вдругъ отрывистый и жалобный крикъ пробудилъ меня. Я всталъ, полагая, что близко насъ лежитъ какой нибудь раненый, и что я слышу послѣдній стонъ его; товарищи мои посмѣялись на мой счетъ, и все опять смолкло. Но при первомъ лучѣ зари, прорѣзавшемся сквозь темную ночь, я всталъ и, шагая чрезъ спящихъ солдатъ нашихъ, началъ отыскивать раненаго или умирающаго. Ночь была самая тихая; утренній вѣтерокъ начиналъ только вѣять, и игралъ листками деревъ. Вдругъ, во второй разъ, протяжный и болѣзненный стонъ раздался въ воздухѣ, и отозвался въ отдаленіи. Казалось, усопшіе вставали съ поля сраженія, и призывали своихъ товарищей. Грудь моя стѣснилась, и я почувствовалъ себя окованнымъ безвѣстнымъ ужасомъ. — Всѣ стенанія, выходившія когда либо изъ груди человѣческой, не могутъ сравниться въ ужасѣ съ этимъ пронзительнымъ крикомъ! Товарищи мои были пробуждены имъ. — Въ третій разъ крикъ раздался еще громче и язвительнѣе. Мы онѣмѣли отъ страха; лошади шарахнулись, затопали, зафыркали и подались назадъ. Многіе изъ Испанцевъ упали

на колѣна, и стали вслухъ читать молитвы свои. Одинъ Англійскій офицеръ увѣрялъ, что онъ замѣтилъ уже на Востокѣ это воздушное явленіе, происходящее отъ электричества; онъ говорилъ, что оно бываетъ предъ перемѣною погоды; Испанцы же, вѣрующіе въ сверхъ-естественное, полагали, что слышатъ голосъ демоновъ, предвѣщающій кровавую битву. Это подтвердилось ими, когда на другой день услышали грозный грохотъ пушекъ при Викторіи."

„Нужно ли намъ отправляться на Цейлонъ и въ Испанію, чтобъ слышать чудесные голоса?" сказалъ Дагобертъ: „Глухой ревъ бури, шумъ падающаго града, визгъ флюгеровъ, вертящихся на ихъ стрѣлкахъ, развѣ не могутъ, какъ другіе звуки, приводить насъ въ ужасъ? Прислушайтесь только къ хору этихъ голосовъ, раздающихся въ каминѣ подобно звукамъ органа, или послушайте даже эту пѣсенку мертвеца, запѣваемую самоваромъ?"

„Чудесно! прекрасно!" вскричала Баронесса. „Дагобертъ ужъ и въ самоварѣ видитъ мертвецовъ; онъ слышитъ жалобные голоса ихъ на днѣ самовара? Какъ это забавно!..."

„Но другъ нашъ," — сказала Ангелика — „не совсѣмъ несправедливъ. Этотъ свистъ и

трескъ въ каминѣ, право, пугаетъ меня: а эта пѣсенка, которую печально заводитъ самоваръ, такъ мнѣ не нравится, что я хочу погасить его, чтобъ ее не слышать.“

Ангелика встала, сказавъ это, и уронила на полъ платокъ свой. Морицъ проворно поднялъ его и подалъ молодой дѣвушкѣ. Она бросила на него взоръ, исполненный нѣжности, а онъ схватилъ ея руку, и съ жаромъ прижалъ къ губамъ своимъ.

Въ это мгновеніе Маргарита задрожала, какъ пораженная электрическимъ ударомъ, и выпустила изъ рукъ пуншевой стаканъ, который подавала Дагоберту; хрупкое стекло раздробилось и разлетѣлось на тысячу кусковъ по полу. — Маргарита съ слезами бросилась къ ногамъ Баронессы, извинялась въ своей неловкости и просила позволенія уйти въ свою комнату. Разговоры, говорила Маргарита, навели на нее большой страхъ, хотя она и не все поняла въ нихъ. — Она занемогла, и потому ей былъ нуженъ покой. — Маргарита цѣловала у Баронессы руки и обливалась слезами.

Дагобертъ чувствовалъ всю непріятность этого зрѣлища, и хотѣлъ перемѣнить оное. Посему онъ также сталъ на колѣна предъ Баронессою, просилъ за виновную, которая пролила лучшій пуншъ, какой когда либо со-

грѣвалъ сердце приказнаго, а чтобы загладить ея проступокъ, самъ обѣщался натереть завтра паркетъ, протанцовавъ новѣйшій контратанецъ на половыхъ щеткахъ.

Баронесса, строго глядѣвшая до сихъ поръ на Маргариту, улыбнулась тонкому поступку Дагоберта. Она, смѣючись, подала имъ обѣ руки и сказала: — ,,встаньте и утрите ваши слезы; вы обрѣли милость передъ ужаснымъ моимъ судилищемъ. Ты обязана, Маргарита, его геройской преданности за твое прощеніе. Но я не могу оставить тебя совершенно. Приказываю тебѣ не уходить изъ залы, забыть свою болѣзнь и разливать пуншъ гостямъ нашимъ, а прежде всего ты должна поцѣловать твоего избавителя.“

— ,,И такъ добрый поступокъ не остается безъ награды!“ сказалъ Дагобертъ комическимъ голосомъ, взявъ руку Маргариты. ,,Только повѣрьте, сударыня, что въ свѣтѣ есть Адвокаты безъинтересные, которые возьмутся за ваше дѣло безъ надежды на такую награду! Но должно повиноваться судьѣ нашему безъ прекословія.“

При сихъ словахъ онъ поцѣловалъ въ щеку Маргариту, и съ важностію отвелъ ее на прежнее мѣсто. Маргарита чрезвычайно покраснѣла и начала смѣяться, тогда какъ еще слезы катились изъ глазъ ея.

„Глупая!“ вскричала она сама на себя по-Французски. „Должна ли я дѣлать все то, чего хочетъ Баронесса? Но такъ и быть: буду спокойна, стану разливать пуншъ и слушать безъ трепета исторіи о мертвецахъ.“

— „Браво, небесное дитя!“ сказалъ Дагобертъ. — „Вашъ поцѣлуй воспламенилъ во мнѣ воображеніе, и я могу теперь прославить всѣ ужасы страшнаго *regno di pianto*.“

„Я думаю,“ сказала Баронесса: „что можно было бы ужъ и перестать говорить объ этихъ нелѣпостяхъ.“

„Прошу васъ, матушка!“ сказала Ангелика: „послушаемъ-те друга нашего Дагоберта. Признаюсь, что я совершенный ребенокъ, и ни чего не люблю такъ, какъ разсказы, отъ которыхъ дрожь пробѣгаетъ по нашимъ членамъ.“

— „О какъ я радъ!“ вскричалъ Дагобертъ. „Что можетъ сравниться съ пріятностію видѣть трепетъ молодыхъ дѣвушекъ, и я ни за что въ свѣтѣ не согласился бы взять за себя жену, которая не боится мертвецовъ.“

„Не самъ ли ты говорилъ сей часъ,“ сказалъ ему Морицъ: „что не должно предаваться мыслямъ объ этомъ?“

— „Безъ сомнѣнія, когда можно,“ возразилъ Дагобертъ: „чтобы не случилось иногда худыхъ послѣдствій. Извѣстно, что это можетъ ро-

дить боязливыя мысли о смерти, продолжительный ужасъ и слабость ума, безпрестанно возрастающую, если онъ станетъ блуждать въ мірѣ фантастическомъ, которымъ окружаетъ насъ мечтательность. Не каждый ли замѣчалъ, что ночью сонъ смущается малѣйшимъ шорохомъ, и что стукъ, который едва ли бы замѣтили въ другое время, тревожитъ насъ до чрезвычайности?"

„Я очень помню," сказала Ангелика: „что четыре года тому назадъ, въ ту ночь когда минуло мнѣ четырнадцать лѣтъ, я пробудилась съ ужасомъ, продолжавшимся нѣсколько дней. Напрасно хотѣла я вспомнить съ того времени сонъ, который навелъ такой страхъ; но однажды, задремавъ возлѣ матушки, я видѣла, что разсказываю ей этотъ сонъ — и въ самомъ дѣлѣ я говорила въ просонкахъ. Она узнала его и разсказала мнѣ самой, но я опять его позабыла."

— „Эта странность," сказалъ Дагобертъ: вѣроятно имѣетъ связь съ магнетизмомъ."

„Часъ отъ часу не лучше!" вскричала Баронесса: „вотъ мы теряемся уже въ мысляхъ, которыя для меня несносны. Морицъ, прошу васъ разсказать намъ сей часъ что нибудь смѣшное и забавное, чтобъ забыть о мертвецахъ."

„Я готовъ повиноваться вамъ, Баронес-

са," сказалъ Морицъ: „только позвольте мнѣ сказать еще одну, послѣднюю исторію въ родѣ, вами гонимомъ; ею такъ заняты теперь мои мысли, что я едва ли могу говорить о чемъ либо другомъ."

„Такъ освободите же поскорѣе ваше сердце отъ ужасовъ, которыми оно полно!" вскричала Баронесса. Мужъ мой скоро воротится, и я право согласилась бы лучше сопутствовать ему въ пылъ сраженія или говорить съ восхищеніемъ о достоинствѣ лошадей, нежели оставаться въ томъ духѣ, въ который вовлекли меня ваши разговоры."

„Въ послѣднюю кампанію," началъ Морицъ: „я познакомился съ однимъ Русскимъ Полко„вникомъ, Ливонскимъ уроженцемъ, мужчиною „лѣтъ около тридцати. Случайно находи„лись мы вмѣстѣ долгое время, и дружба на„ша утвердилась. — Богиславъ — такъ зва„ли Полковника, — владѣлъ всѣми качества„ми, которыя могутъ пріобрѣсть намъ лю„бовь отъ товарищей. Онъ былъ высокаго „роста, благородной осанки и развязенъ, „правильныя черты лица его имѣли пріят„ность. Полковникъ отличался также при„мѣрною вѣжливостью, добротою, великоду„шіемъ, а храбръ былъ какъ левъ. Бесѣды ожи„влялись его любезностію; но не рѣдко, по„среди веселости, вдругъ овладѣвала имъ

„мрачная мысль, и лице его принимало таинственное выраженіе. Тогда онъ дѣлался молчаливъ, оставлялъ общество и блуждалъ въ уединеніи. Въ деревнѣ имѣлъ онъ обычай разъѣзжать на лошади въ продолженіе ночи, и засыпалъ тогда только, когда силы его истощались; видя, что онъ безъ необходимости подвергается опасностямъ, ищетъ въ сраженіяхъ смерти, которая кажется убѣгаетъ его, я не могъ сомнѣваться въ томъ, что жизнь его была помрачена какою нибудь невозвратимою потерею или предосудительнымъ поступкомъ.

„Достигнувъ Французской границы, мы взяли приступомъ небольшую крѣпостцу, и остановились тутъ на нѣсколько дней, чтобы дать роздыхъ нашимъ солдатамъ. Комната, въ которой помѣстился Богиславъ, была въ весьма близкомъ разстояніи отъ моей. Слышу ночью, что кто-то тихо стучится въ мои двери. Внимательно прислушиваюсь: произносятъ мое имя. Узнавъ голосъ Богислава, я встаю и впускаю его въ мою комнату. Онъ явился предо мною неодѣтый, со свѣчею въ рукѣ, блѣденъ какъ мертвый, дрожалъ всѣмъ тѣломъ и не могъ говорить.

— „Ради Бога, скажите, любезный Богиславъ, что съ нами?“ вскричалъ я, поддер-

„живая его и подводя къ кресламъ; взявъ его „за руки, я умолялъ объяснить мнѣ причину „его смущенія.

„Богиславъ приходилъ въ себя мало по „малу, тяжело вздохнулъ, и тихо сказалъ „мнѣ: — Нѣтъ, нѣтъ! если смерть, которую, „зову я, не прійдетъ, то я сдѣлаюсь безу„мнымъ! — Морицъ! выслушай ужасную тай„ну. — Ты знаешь, что я нѣсколько лѣтъ „жилъ въ Неаполѣ. Тамъ я увидѣлъ одну дѣ„вушку изъ знатной фамиліи, и она очаро„вала меня. Этотъ ангелъ отдался мнѣ; ро„дители были согласны, и союзъ, отъ кото„раго зависѣло счастіе моей жизни, долженъ „былъ совершиться! Назначили день свадьбы; „вдругъ нѣкто, Сицилійскій Графъ, явился въ „домѣ моей невѣсты, и старался понравить„ся ей. Я хотѣлъ объясниться съ нимъ, но „онъ изъ гордости убѣгалъ этого. Тогда я „вынудилъ его сразиться со мною, и вонзилъ „въ грудь его мою шпагу. Послѣ сего побѣ„жалъ я къ моей невѣстѣ. Она обливалась „слезами, говорила, что я убійца ея благодѣ„теля, съ ужасомъ оттолкнула меня, стонала „въ отчаяніи, и когда я взялъ ея руку, то „она упала безъ чувствъ, какъ бы ужаленная „скорпіономъ! — Какъ описать тебѣ удивле„ніе мое и горесть! Родители молодой дѣву„шки не могли понять сдѣлавшейся въ ней

„перемѣны; но никогда не внимала она сло-
„вамъ Графа. Отецъ скрылъ меня во дворцѣ
„своемъ и способствовалъ къ побѣгу моему
„изъ Неаполя. Преслѣдуемый всѣми Фуріями, я
„умчался въ Петербургъ! — Но не измѣна
„моей любезной — ужасная тайна снѣдаетъ
„жизнь мою. Съ этого несчастнаго дня въ
„Неаполѣ, я ношу адъ въ груди моей! Часто
„днемъ, еще чаще ночью, слышу я то въ от-
„даленіи, то вблизи хрипѣніе умирающаго.
„Это голосъ убитаго мною Графа, отзываю-
„щійся въ душѣ моей. И въ громѣ пушекъ,
„среди летающихъ ядеръ и пуль, слышится
„мнѣ это ужасное стенаніе; тогда-то весь
„гнѣвъ, все отчаяніе безумца пылаютъ во
„мнѣ! — Въ эту ночь даже . . . "

„Богиславъ замолчалъ, объятый также
„какъ и я, ужасомъ, потому что послышался
„протяжный и жалобный стонъ. Казалось,
„что кто-то, усиливаяся взойти на верхъ,
„съ трудомъ тащился по ступенямъ тяже-
„лою и неровною поступью. Богиславъ вско-
„чилъ съ креселъ, глаза его заблистали, и онъ
„закричалъ громовымъ голосомъ: — „Презрѣн-
„ный! явись, явись, если смѣешь! Я вызываю
„тебя и весь адъ!" — Тутъ послышался намъ
„ужасный грохотъ и . . . "

Когда Морицъ дошелъ до сего мѣста раз-

сказа — дверь залы растворилась съ необыкновеннымъ стукомъ и быстротою.

Вошелъ незнакомецъ, весь одѣтый въ черное, блѣднолицый, съ неподвижнымъ и строгимъ взоромъ. Онъ приблизился къ Баронессѣ со всею ловкостію свѣтскаго человѣка, и просилъ ее, въ отборныхъ выраженіяхъ, извинить его въ томъ, что онъ, будучи приглашенъ на вечеръ, явился такъ поздно; причиною сему былъ одинъ визитъ, который ему непремѣнно надлежало сдѣлать и такимъ образомъ потерять время къ великому его сожалѣнію. — Баронесса, не въ состояніи будучи выйти изъ ужаса, сказала невнятно нѣсколько словъ, коими, такъ же какъ и движеніемъ руки своей, она предлагала незнакомцу занять мѣсто. Онъ усѣлся на стулѣ возлѣ Баронессы и противъ Ангелики, давъ полную свободу гордымъ взорамъ своимъ блуждать по всѣмъ присутствовавшимъ. Всѣ были какъ бы въ параличѣ, и никто не имѣлъ бодрости заговорить. Незнакомецъ первый началъ разговоръ; онъ извинился вдвойнѣ: вопервыхъ въ томъ, что явился такъ поздно, а во-вторыхъ — что вошелъ съ такимъ шумомъ; послѣднее не должно, однако же, приписывать ему; дверь отворена была лакеемъ, находившимся въ передней. Баронесса никакъ не могла освободиться отъ страннаго чув-

ства, овладѣвшаго ею, и тихимъ голосомъ спросила незнакомца, кого она имѣетъ честь видѣть въ своемъ домѣ. Онъ, казалось, не слышалъ сего вопроса, устремя все вниманіе на Маргариту, съ которой послѣдовала сильная перемѣна: она объясняла ему полу-Нѣмецкимъ, полу- Французскимъ своимъ нарѣчіемъ, смѣясь и прыгая возлѣ него, что цѣлый вечеръ всѣ слушали страшные разсказы, и что Г. Маіоръ готовъ былъ сказать о появленіи нечистаго духа, въ то время, какъ дверь отворилась, и онъ (т. е. незнакомецъ) вошелъ въ залу. Баронесса, избѣгая неприличности, не хотѣла снова сдѣлать вопросъ человѣку, назвавшемуся приглашеннымъ. Побуждаемая страхомъ къ молчанію, погрузилась она на минуту въ задумчивость; а незнакомецъ заставилъ умолкнуть Маргариту, заговоривъ о предметахъ весьма обыкновенныхъ. Баронесса отвѣчала ему, и Дагобертъ попытался вмѣшаться въ завязавшійся разговоръ. Въ продолженіе сего времени Маргарита напѣвала нѣкоторые куплеты изъ Французскихъ пѣсень, и перебирала ногами, какъ бы желая вспомнить какіе нибудь па контра-танца, хотя никто другой не осмѣливался пошевелиться. — Каждый чувствовалъ стѣсненіе въ груди своей; присутствіе незнакомца было тягостно, какъ атмосфера во время

бури, и слова замирали на устахъ всѣхъ, когда они всматривались въ таинственное лице нежданаго гостя. Нельзя было замѣтить, однако жъ, ни малѣйшей неловкости въ его обращеніи, которое обозначало человѣка хорошо воспитаннаго и привычнаго къ обществамъ. Французское и Нѣмецкое произношеніе его заставляло думать, что онъ не родился ни Нѣмцемъ, ни Французомъ.

Баронесса отдохнула наконецъ, когда послышался топотъ лошадей у крыльца, и она узнала голосъ Полковника.

Вскорѣ Г. Гранвилль явился въ залу. Едва онъ увидѣлъ незнакомца, то бросился къ нему съ распростертыми объятіями и вскричалъ: — „Здравствуйте, дорогой гость мой, любезный Графъ!“ Потомъ, обратившись къ Баронессѣ, сказалъ: „рекомендую друга моего, Графа Альдина, съ которымъ подружился я на Сѣверѣ и встрѣтился на Югѣ.“

Страхъ Баронессы тотчасъ разсѣялся, и она съ пріятною улыбкою сказала Графу, что не она была причиною оказаннаго ему страннаго пріема, но Полковникъ, который ея не предупредилъ о его посѣщеніи. Тогда разсказала она Графу, что, въ продолженіе всего вечера, говорили только о мертвецахъ, и что Графъ явился въ то мгновеніе, когда Морицъ въ разсказѣ своемъ произнесъ: — „по-

слышался ужасный грохотъ и дверь быстро отворилась.“

„Вотъ — мило! Васъ приняли за мертвеца, любезный Графъ!“ сказалъ, захохотавъ, Полковникъ. „Въ самомъ дѣлѣ, кажется, на лицѣ Ангелики и теперь еще есть слѣды страха; Маіоръ не пересталъ думать объ ужасномъ разсказѣ своемъ, а Дагобертъ совсѣмъ потерялъ свою веселость. Скажите, Графъ, простительно ли принять васъ за мертвеца, за злаго духа?

„Развѣ во мнѣ нашли что нибудь ужасное?“ отвѣчалъ Графъ страннымъ голосомъ. „Теперь много толкуютъ о людяхъ, производящихъ чудеса своими взорами и прикосновеніемъ; не имѣю ли я въ себѣ чего нибудь подобнаго?“

„Вы хотите шутить, Г. Графъ!“ сказала Баронесса: „но справедливо, что нынѣ опять хотятъ вѣрить въ старыя таинства.“

„Да, свѣтъ становится старъ, и хочетъ помолодѣть, забавляясь сказками нянюшекъ,“ отвѣчалъ незнакомецъ. „Это болѣзнь, которая становится съ каждымъ днемъ сильнѣе. — „Но я прервалъ Г. Маіора на самомъ любопытномъ мѣстѣ его разсказа. Надѣюсь, что не помѣшаю ему продолжать; вѣроятно, слушатели съ нетерпѣніемъ ожидаютъ развязки.“

Морицъ ни мало не былъ встревоженъ появленіемъ незнакомаго Графа; но чувствовалъ къ нему какое-то отвращеніе. Онъ находилъ въ словахъ его, особливо въ улыбкѣ, гордость и нѣчто насмѣшливое; а потому — съ гнѣвомъ на глазахъ — сухо отвѣчалъ ему, что опасается разсказомъ своимъ смутить веселость, которую Графъ принесъ въ общество, и для того желаетъ лучше молчать.

Графъ мало оказалъ вниманія къ словамъ Маіора; но играя золотою своей табакеркой, обратился къ Полковнику, и спросилъ: — „не Француженка ли эта дѣвица?"

Онъ говорилъ о Маргаритѣ, которая не переставала прыгать по залѣ. Полковникъ подошелъ къ ней и спросилъ въ полголоса, не сошла ли она съ ума. Пристыженная Маргарита отошла къ чайному столу и сѣла въ молчаніи.

Графъ началъ разговаривать, и съ большою любезностію говорилъ о многихъ новостяхъ. Дагобертъ едва осмѣливался вступать въ рѣчь. Лице и глаза Морица пылали такъ сильно, какъ бы онъ готовился скомандовать къ атакѣ. — Ангелика совершенно занята была вышиваньемъ, и ни разу не отводила глазъ отъ своей работы. Всѣ разстались съ неудовольствіемъ.

„Ты счастливъ!“ вскричалъ Дагобертъ, оставшись на-единѣ съ Морицемъ. „Не сомнѣвайся болѣе: Ангелика страстно тебя любитъ. Я прочиталъ сегодня въ ея взорахъ, что она вся состоитъ изъ любви къ тебѣ. Но демонъ всегда тревожитъ людское счастіе. Замѣтилъ ли ты глупую страсть Маргариты? Она любитъ тебя со всею непоколебимостію, какую когда либо раждало отчаяніе въ женскомъ сердцѣ. Оплошность ея сего вечера была не что иное, какъ взрывъ ревности, которой она не могла больше скрыть. Когда Ангелика уронила платокъ свой, а ты поднялъ его и подалъ ей, поцѣловавъ руку, то я понять не могу, что сдѣлалось съ бѣдной Маргаритой. Но вини самого себя за эти непріятности: зачѣмъ было увиваться тебѣ сперва около прекрасной Француженки? Я знаю, что и тогда ты думалъ объ Ангеликѣ; — что всѣ комплименты, которые ты сыпалъ передъ Маргаритою, относились къ ея подругѣ: да направленье-то глазъ твоихъ часто разило молодую дѣвушку и приводило ее въ смущеніе. Какъ-то поправишь ты теперь зло, а я думаю, что дѣло это никакъ не кончится безъ насмѣшекъ и сплетней.“

„Перестань надоѣдать мнѣ Маргаритой,“ сказалъ Маіоръ. „Если Ангелика меня любитъ, — что еще сомнительно — то я счастли-

вѣйшій изъ людей, и всѣ Маргариты на свѣтѣ съ ихъ глупостями для меня ничего не значатъ. Но вотъ чего я боюсь: почему знать, что этотъ незнакомецъ, этотъ таинственный Графъ, который явился къ намъ такъ загадочно и перепугалъ всѣхъ, не помѣшаетъ моему счастью? Въ туманной дали прошедшаго, я припоминаю себѣ сонъ, гдѣ видѣлся мнѣ этотъ Графъ въ толпѣ какихъ-то ужасовъ!... Мнѣ кажется, что гдѣ бы ни показался онъ, тамъ должно сбыться что нибудь страшное. — Замѣтилъ ли ты, что багровыя пятна выступали на блѣдномъ лицѣ его, когда всматривался онъ въ Ангелику? Я трепеталъ отъ словъ, съ которыми онъ обращался ко мнѣ... О! онъ погубитъ насъ;... но я пойду наперекоръ ему, хотя бъ это мнѣ стоило жизни!"

(Продолженіе впредь.)

II.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

Путешествіе въ Тану Іосафата Барбаро въ 1436 году.

(Продолженіе.)

Татары, обитающіе въ сей Ордѣ, стрѣляютъ очень мѣтко, имѣютъ много пріучен-

ныхъ соколовъ, бьютъ изъ луковъ хамелеоновъ, которые у насъ не въ употребленіи, ловятъ оленей и большихъ звѣрей. — Они носятъ соколовъ своихъ на рукѣ; но когда она у нихъ устанетъ, ставятъ подставку подъ руку, ибо соколы ихъ вдвое больше орловъ.

Иногда пролетаютъ мимо сего народа цѣлыя стаи гусей, и нѣкоторые изъ воиновъ пускаютъ въ нихъ кривыя стрѣлы, толщиною въ палецъ, безъ перьевъ, которыя, отлетѣвъ немного, оборачиваясь, летятъ въ противную сторону, ломая ноги, крылья и шеи у сихъ птицъ. Нерѣдко случается, что пролетаетъ такое множество гусей, что кажется, какъ будто бы воздухъ ими наполненъ, и тогда отъ ужаснаго крику, который подымаетъ народъ сей, они, пугаясь, падаютъ на землю. — Говоря о птицахъ, я разскажу вамъ нѣчто достойное замѣчанія. — Проѣзжая верхомъ по Ордѣ, на берегу одной рѣчки, я встрѣтилъ человѣка, наружность котораго показывала, что онъ долженъ быть не изъ простаго званія, и который разговаривалъ со своими слугами. Подозвавъ меня къ себѣ, онъ заставилъ меня сойти съ лошади, и спросилъ, для чего я сюда пріѣхалъ. На это отвѣчалъ я ему, что по нѣкоторому дѣлу: ска-

завъ сіе, я посмотрѣлъ на сторону и увидѣлъ четырехъ, или пятерыхъ щегловъ, сидящихъ на репейникѣ.

Онъ же, увидѣвъ то же самое, приказалъ немедленно одному изъ своихъ слугъ поймать одного изъ тѣхъ щеглов. Слуга тотчасъ, взявши два лошадиныхъ волоска, сдѣлалъ изъ нихъ силки, и положивъ ихъ на репейникъ, поймалъ одного щегла изъ сидѣвшихъ на немъ, и принесъ его къ своему господину, который приказалъ его изжарить; и онъ, ощипавъ перья, сдѣлалъ изъ дерева вертелъ, и изжаривъ щегла, отдалъ своему господину, который, взявъ его въ руки, — посмотрѣлъ на меня, и сказалъ слѣдующее: — „не въ такомъ мы мѣстѣ, чтобы я могъ воздать тебѣ должную честь; однако же будемъ довольны тѣмъ, что имѣемъ мы, и тѣмъ, что послалъ намъ Господь Богъ нашъ.“ — Потомъ раздѣлилъ щегла на три части, одну далъ мнѣ, другую съѣлъ самъ, а третью (самую меньшую) отдалъ слугѣ, поймавшему онаго.

Если я скажу вамъ о великомъ множествѣ скота, находящагося въ сей Ордѣ, то вѣрно вы не повѣрите этому. — Но пускай, что будетъ, то будетъ, а я рѣшился сказать объ этомъ. — И такъ, начиная съ лошадей, скажу, что многіе изъ сего народа

занимаются продажею оныхъ, и уводятъ ихъ въ разныя мѣста; и одинъ караванъ, пошедшій въ Персію до моего прибытія, привелъ туда четыре тысячи лошадей; но не удивляйтесь этому, потому, что если бы вы захотѣли купить въ этой Ордѣ разомъ тысячу или двѣ тысячи лошадей, вы бы сіе очень легко исполнить могли; ибо у нихъ лошади стоятъ въ стойлахъ, какъ овцы, и вы, пришедши туда, выбираете любую лошадь, указывая оную продавцу, который, имѣя въ рукахъ огромную палку съ петлею, надѣваетъ оную на голову той лошади, которая вамъ понравилась, выводя ее на середину, — и сіе онъ дѣлаетъ съ удивительнымъ искусствомъ и ловкостію, и такимъ образомъ онъ поступаетъ при продажѣ всѣхъ лошадей. — Мнѣ случалось встрѣчать по дорогѣ продавцовъ, ведущихъ такое множество лошадей, что они покрывали всю степь; — и это достойно удивленія.

Лошади страны сей не хорошей породы, малорослы, имѣютъ большое брюхо, не ѣдятъ овса, и когда ведутъ ихъ на продажу въ Персію, то, желая похвалить ихъ, говорятъ, что онѣ ѣдятъ овесъ; ибо, не употребляя онаго, не могутъ они носить тяжестей.

Второй родъ скота суть прекрасные и дебелые волы, которые снабжаютъ рѣзницы

Италіи; иные изъ нихъ приходятъ туда чрезъ Польшу, а другіе чрезъ Валахію, Трансильванію и Германію. У нихъ волы носятъ на себѣ тяжести и людей.

Третій родъ скота суть верблюды съ двумя горбами; они огромны и власнисты. Ихъ продаютъ въ Персіи по 25 дукатовъ (за каждаго). Левантскіе верблюды гораздо меньше ихъ, имѣютъ одинъ только горбъ, и стоятъ въ половину дешевле.

Четвертый родъ скота составляютъ дородные и весьма жирные бараны, хвостъ которыхъ вѣситъ болѣе 12 фунтовъ. — И я самъ былъ свидѣтелемъ тому, что они тащатъ за собою привязанное колесо, на которомъ лежитъ хвостъ ихъ. — Жиромъ сихъ хвостовъ они приправляютъ всѣ свои кушанья, и употребляютъ его вмѣсто масла, но онъ не застываетъ во рту.

Не думаю, чтобы кто нибудь изъ читателей моихъ могъ угадать, о чемъ я теперь говорить буду; ибо, безъ всякаго сомнѣнія, тотъ, кто тамъ не былъ, спроситъ меня, чѣмъ питается такое множество народа, если они каждый день въ походѣ, — гдѣ тотъ хлѣбъ, который они ѣдятъ, и гдѣ они его достаютъ? — А я, какъ тамъ былъ, то скажу, что это случается такимъ образомъ:

около исхода Февраля мѣсяца вѣстники объявляютъ по цѣлой Ордѣ, чтобы всякъ, кто желаетъ сѣять хлѣбъ и тому подобное, приготовилъ все потребное къ сему; ибо въ Мартѣ мѣсяцѣ, въ такомъ-то мѣстѣ сѣять будутъ, и что въ такомъ-то мѣсяцѣ, они пойдутъ опять въ походъ. — Тогда всякъ, желающій или самъ сѣять, или приказывающій оное другому, согласившись вмѣстѣ, кладутъ сѣмена на возы, берутъ нужный скотъ съ собою, и вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, или только съ частію оныхъ, отправляются въ назначенное мѣсто, отстоящее по большой части отъ Орды на два дня пути: и тамъ они пашутъ землю, сѣютъ, оставаясь до тѣхъ поръ, покуда не приведутъ къ окончанію всей работы, послѣ чего возвращаются въ Орду.

Императоръ съ своимъ народомъ поступаетъ, такъ какъ мать, посылающая дѣтей своихъ гулять, которая не спускаетъ съ нихъ глазъ своихъ: подобнымъ образомъ и онъ посѣщаетъ, то однихъ сѣяльщиковъ, то другихъ, и никогда не отдаляется отъ нихъ болѣе четырехъ дней пути, покуда не поспѣетъ хлѣбъ. — Когда же поспѣетъ хлѣбъ, то онъ не идетъ на то мѣсто, гдѣ сѣялись, съ Ордою, а туда идутъ только тѣ, которые сѣяли; равнымъ образомъ туда отпра-

вляются съ волами и верблюдами желающіе купить пшеницу, и все къ жизни потребное, какъ случается по деревнямъ. — Земля тамъ весьма плодородна; одно зерно пшеницы приноситъ 50; и пшеница такъ крупна, какъ Падуанская (*); просо же приноситъ 100 зеренъ. — Очень часто случается, что они собираютъ такое множество хлѣба, что большую часть онаго тамъ оставляютъ.

Разскажу я кстати здѣсь слѣдующее:

Есть внукъ Улумагумета, царствовавшій нѣсколько лѣтъ, который, не довѣряя своему племяннику, находящемуся по ту сторону рѣки Ледиль, и чтобы не лишиться людей, отправившихся для посѣву, отдалъ повелѣніе, чтобы въ продолженіе одиннадцати лѣтъ, никто не смѣлъ сѣять; и во всё то время народъ питался мясомъ, молокомъ, и тому подобнымъ; хотя иногда и былъ на базарѣ хлѣбъ и просо, но они продавались очень дорого. Однажды я спрашивалъ ихъ, какъ могутъ они обходиться безъ хлѣба. — Они же, смѣясь, отвѣчали мнѣ, что они имѣютъ мясо. — Но, не смотря на сію предосторожность, онъ былъ изгнанъ племянникомъ своимъ. Наконецъ Улумагуметъ, (о которомъ

(*) Пшеница, въ окрестностяхъ Таганрога растущая, и нынѣ предпочитается производимой другими странами.

мы говорили прежде), бѣжалъ съ дѣтьми своими, не могши удержать нападеніе Зимагумета, который, сдѣлавшись обладателемъ всей Орды, пришелъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ къ рѣкѣ Танѣ. Онъ переправился въ продолженіе двухъ дней на ту сторону, съ народомъ, со скотомъ, словомъ со всѣмъ имуществомъ, что достойно удивленія и вниманія; ибо они переправились безъ всякаго шуму, и такъ безопасно, какъ бы они шли по землѣ. Способъ, который они употребляютъ при переправахъ, состоитъ въ томъ, что тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ нѣкоторую власть, посылаютъ впередъ людей своихъ въ лѣсъ, гдѣ они изъ сухаго дерева сбиваютъ плоты; приказываютъ также имъ дѣлать связки изъ камышу, и класть ихъ подъ плоты и повозки; лошадямъ же помогаютъ нѣсколько обнаженныхъ людей, идущихъ по водѣ. — Спустя мѣсяцъ послѣ сей переправы, отправившись однажды рѣкою къ рыбнымъ заводамъ, мы встрѣчали такое множество сихъ связокъ и плотовъ, что насилу могли сквозь оные пробраться. Приплывъ къ берегу, нашли то же самое. Сошедши же на берегъ, мы увидѣли тамъ, что сіи рыбные заводы потерпѣли болѣе тѣхъ, о которыхъ было сказано прежде, отъ прохода войскъ и народа.

Въ это самое время Еделмугъ, племян-

никъ Императора, прибывши въ Тану, чтобы переправиться чрезъ рѣку, привелъ съ собою сына своего; — поцѣловавши его, онъ сказалъ мнѣ: „я привелъ къ тебѣ сына моего, и хочу, чтобы онъ былъ твоимъ.“ — Послѣ сего онъ снялъ съ него верхнюю одежду, возложилъ оную на меня; кромѣ сего подарилъ онъ мнѣ восемь Русскихъ головъ (*), приговаривая: „вотъ часть добычи, сдѣланной мною въ Россіи.“ Пробывъ у меня два дня, онъ получилъ отъ меня взаимно приличные подарки.

Есть очень много такихъ людей, которые, разставаясь съ друзьями своими, не надѣясь съ ними больше увидѣться, легко о прежней дружбѣ забываютъ. Это случается отъ того, что мы въ семъ случаѣ руководствуемся не тѣмъ, чѣмъ должно, — отъ чего происходитъ не малое зло. Вѣдь не даромъ пословица говоритъ, что гора съ горой не сходится никогда, а человѣкъ съ человѣкомъ всегда.

Случилось мнѣ, по моемъ возвращеніи изъ Персіи, пройти вмѣстѣ съ посланнымъ отъ

(*) Рабовъ, взятыхъ, вѣроятно, въ плѣнъ, при нападеніи на Россію. Сіе мѣсто показываетъ, что городъ Тана лежалъ на правомъ берегу Дона, отъ стороны Россіи.

Асамбека, чрезъ Татарію и Польшу, чтобы оттуда отправиться въ Венецію; съ нами было много Татарскихъ купцовъ. — Я подозвалъ къ себѣ одного изъ нихъ, именуемаго Еделмугъ, который мнѣ показался такъ похожимъ на того, котораго отецъ отдалъ мнѣ за сына, что я не удержавшись спросилъ его, кто онъ таковъ, и по словамъ его узналъ, что онъ точно былъ тотъ, о которомъ я думалъ. — Съ нами бывшіе Татары разсказывали мнѣ, что онъ занималъ важное мѣсто при Императорѣ, и что если мы дальше пойдемъ, то попадемся въ его руки. Но я вполнѣ увѣренъ былъ, что получу отъ него то самое угощеніе, каковое я нѣкогда дѣлалъ отцу его и ему; — и кто бы могъ подумать, чтобы, спустя 35 лѣтъ, Татаринъ встрѣтился съ Венеціянцемъ! — Кстати разскажу еще слѣдующее, хотя сіе случилось и въ другое время.

Въ 1445 году, будучи въ Ріалто (*) въ винномъ магазинѣ, я, прохаживаясь взадъ и впередъ по оному, увидѣлъ на одномъ концѣ онаго двухъ человѣкъ въ оковахъ, сидящихъ за бочками; по лицу я тотчасъ узналъ, что они должны быть Татары; подошедши къ нимъ, я спросилъ ихъ, кто они. — На это

(*) Въ Венеціи.

они отвѣтствовали, что, будучи невольниками у Каталоновъ, и ушедши отъ нихъ, попались въ руки къ сему купцу. Выслушавъ сіе, я безъ замедленія времени пошелъ къ Гг. ди Нотте, и разсказалъ имъ бывшее; они тотчасъ приказали итти туда полицейскимъ офицерамъ, и привести тѣхъ невольниковъ въ Судъ, и въ присутствіи сказаннаго купца они были освобождены, а купецъ, хозяинъ ихъ, былъ отданъ подъ судъ. — Я повелъ ихъ къ себѣ домой, и распросилъ, кто они были и изъ какой земли. Одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ, что изъ Таны, и что онъ тамъ былъ слугою у Козадабуга, котораго я зналъ; ибо онъ былъ Императорскимъ казначеемъ и собирателемъ пошлинъ за ввозимые въ Тану товары. Посмотрѣвъ же пристально на освобожденнаго мною Татарина, я его узналъ, потому, что онъ весьма часто бывалъ въ моемъ домѣ; спросилъ я у него, какъ его называютъ. — „Хебекчи," отвѣчалъ онъ, что означаетъ сѣяльщикъ, или оратай. Посмотрѣвъ въ другой разъ на него, я опять его спросилъ: „знаешь ли ты меня?"—„Нѣтъ" — сказалъ онъ; но коль скоро я напомнилъ ему объ Танѣ и объ *Юсуфѣ*, (ибо такъ меня называли въ той землѣ), онъ тотчасъ бросился къ моимъ ногамъ, и готовъ былъ ихъ облобызать; я же не допустилъ его къ сему.

Тогда онъ, вставши на ноги, сказалъ мнѣ: „Ты спасъ мнѣ два раза жизнь, и это одинъ „изъ тѣхъ разовъ, потому что, будучи невольникомъ, я считалъ себя за умершаго; другой же разъ, когда горѣла Тана; ибо тогда „ты продѣлалъ отверзтіе въ стѣнѣ, въ которое вышли сто человѣкъ, въ числѣ которыхъ были мой господинъ и я.“ И онъ говорилъ правду, потому что, когда была зажжена Тана, то я тогда точно продѣлалъ отверзтіе въ стѣнѣ, въ которое вышли сорокъ человѣкъ, между коими находился онъ и Козадабугъ, его господинъ. — Подержавъ ихъ два мѣсяца у себя въ домѣ, я отправилъ ихъ на суднѣ въ Тану. — Вотъ почему я говорилъ, что никто никогда не долженъ забывать друзей своихъ, разлучаясь съ ними; ибо хотя онъ и не надѣется съ ними видѣться, но могутъ случиться тысячи такихъ обстоятельствъ, въ которыхъ увидишься съ тѣмъ, съ кѣмъ никогда и не надѣялся. — Даже бываетъ и то, что иногда будешь нуждаться въ помощи того, который прежде ничего не значилъ.

Желая продолжать описаніе путешествія моего въ Тану, я буду описывать его отъ востока до сѣвера, проходя берегъ моря Сабашскаго, а потомъ, оставивъ его въ лѣво,

часть Чернаго моря, до провинціи, именуемой *Менгерія*, *Mengleria* (*).

Отправившись изъ Таны по берегу сказаннаго моря, по трехдневномъ путешествіи моемъ, я прибылъ въ страну, именуемую *Хремукъ* (*Chremuk*), которою владѣетъ Царь по имени Биберди, т. е. *Богомъ данный* (*Diodato*); онъ былъ сыномъ Нертибея, что на языкѣ ихъ значитъ *истинный владѣлецъ*. Онъ имѣетъ множество деревень подъ своимъ владѣніемъ, которыя, въ случаѣ нужды, могутъ поставить 2000 конныхъ людей; кромѣ сего прекрасныя поля, много лѣсовъ и рѣкъ.

(Продолженіе впредь.)

III.

ПРАВОВѢДѢНІЕ.

О главныхъ правилахъ Народнаго Европейскаго Права.

(Окончаніе.)

Безъ сомнѣнія — нѣтъ; но не ясно ли видно, что право такого исключенія принадлежитъ къ первому, нами показанному пункту? — Впрочемъ, владѣтель пространства

(*) Мингрелія.

земли можетъ самъ, посредствомъ трактата, уступить оное другому; тогда уже сіе новое распоряженіе будетъ принадлежать къ условному праву, которое можно назвать среднимъ правомъ между правами абсолютнымъ и обычнымъ. Если же мы видимъ примѣры въ Исторіи, что народы иногда силою отнимали одинъ у другаго земли, то сіе было совершенно противно правиламъ справедливости (*). — Второй пунктъ введеній можетъ объясниться слѣдующими примѣрами: Европейскіе народы позволяютъ свободный входъ въ свои земли всѣмъ вообще иностранцамъ. Сіе, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ условнымъ дѣйствіямъ Государствъ и притомъ самымъ существеннымъ, такъ, что не всякой народъ свободно можетъ отказаться отъ исполненія сего обычая. Положимъ, напр., что Австрія, покоривъ всю Германію, рѣшилась бы пресѣчь все сообщеніе съ другими народами, и объявила бы всѣмъ Государствамъ

(*) Ваттель основательно замѣчаетъ, что Европейцы имѣли полное право занимать для колоній тѣ земли, которыя ни мало не были нужны дикимъ, но въ то же время превозноситъ умѣренность Англійскихъ Пуританъ, которые, желая поселиться въ нынѣшней Сѣверной Америкѣ, покупали у дикихъ земли. Сему примѣру послѣдовалъ и знаменитый Вилліамъ Пенъ.

Европы, что она ни подъ какимъ условіемъ не позволитъ свободнаго входа въ свои земли иностранцамъ: не могли ль бы другія Государства уже силою принудить Австрію отказаться отъ такого ужаснаго права? ибо симъ образомъ дѣйствованія она почти явно покушалась бы на благосостояніе, не говорю уже, высшее совершенствованіе народовъ Европы. Слѣдовательно это показываетъ, что сей обычай, введенный между народами Европы, состоитъ въ главныхъ условныхъ отношеніяхъ оной. — Но положимъ, что какое либо Государство только отказалось бы присвоивать Посланникамъ права ненарушимости (inviolabilité) и изъемлемости (exterritorialité). Въ семъ случаѣ могли ль бы другія Государства дѣйствовать также наступательнымъ образомъ противъ онаго? Никакъ. Однако странно было бы не извинить, когда бы они рѣшились употреблять разныя мѣры къ тому, чтобы произвести перемѣну въ ономъ Государствѣ въ разсужденіи сего предмета, ибо безъ существованія оныхъ правъ трудно было бы производить свободно и самыя дипломатическія сношенія. — Къ третьему пункту введеній принадлежатъ всѣ употребляемыя между народами приличія, предметы вѣжливости и подобное тому, напр., какъ ниже говоритъ

Шмальцъ, что Государи при извѣстныхъ случаяхъ обыкновенно предлагаютъ разные подарки Посланникамъ. Всякой Государь можетъ легко отказаться отъ сего обычая, и безъ сомнѣнія, въ слѣдствіе таковой отмѣны, не могутъ послѣдовать какія либо непріятности со стороны другихъ Государствъ, — хотя впрочемъ и здѣсь нельзя не замѣтить, что подобные отказы, дѣлаемые безъ всякой довольной причины, могутъ иногда затруднять ходъ политическихъ дѣйствій и вообще служить къ невыгодѣ употребляющаго оныя Государства; потому что нерѣдко самыя обыкновенныя введенія нечувствительно поддерживаютъ собою важнѣйшіе обычаи, или служатъ какъ бы тончайшими проводниками къ раскрытію высшихъ какихъ либо условій взаимнаго сближенія народовъ.

Изъ примѣровъ, мною представленныхъ, кажется, весьма ясно видно, какъ должно разумѣть въ полномъ смыслѣ обычное Право. — Шмальцъ, не сдѣлавъ сего различія, симъ упущеніемъ затруднялся въ точномъ обозначеніи всего того, что введено обычаемъ. Ошибка его, равно какъ и другихъ Писателей по сему предмету, произошла отъ того, что они, раздѣливши между собою народы, нерѣдко въ то же время упускали изъ виду, что сіи послѣдніе, не смотря на раздѣленіе,

составляютъ одно и то же человѣчество, соединенное во всѣхъ своихъ частяхъ нитію взаимныхъ, болѣе или менѣе важныхъ существенныхъ соотношеній, а болѣе еще отъ того, что Писатели сіи не замѣчали дѣйствія условной жизни всѣхъ вообще Государствъ или всего человѣчества, постепенно болѣе и болѣе раскрывающейся.

„Однако не слѣдуетъ думать, будто „обычаи не могутъ измѣняться въ продол„женіе вѣковъ. Самые законы не суть не„измѣняемы. Посланники прежде были содер„жимы и обезпечиваемы Дворами, къ коимъ „они отправлялись, теперь же они содер„жатся отъ своихъ Правительствъ. Госу„дарства также могутъ въ частности от„даляться отъ всеобще-принятаго обычая, „какъ и частные люди въ своихъ сдѣлкахъ „могутъ соглашаться на извѣстныя условія „вопреки гражданскому обычаю; но Государ„ство, рѣшающееся дѣйствовать такимъ „образомъ, должно во-время извѣстить о „томъ, чтобы тѣ Государства, которыя „вступаютъ съ онымъ въ частныя соотно„шенія, не сдѣлали ему уступленій, на кото„рыя они никакъ бы не согласились, если бы „не предполагали обычая, взаимно обязатель„наго. — Положимъ, что какое либо Госу„дарство публично объявило бы, что въ про-

„тивность обычаю, принятому во всѣхъ „Государствахъ, оно не намѣрено защищать „права иностранцевъ въ отношеніи къ сво„имъ собственнымъ подданнымъ; однако мо„гло ли бы оно, не сдѣлавъ явной несправед„ливости, отказать въ употребленіи закон„ныхъ средствъ тѣмъ иностранцамъ, кото„рые прежде сего объявленія, полагаясь на „существовавшій обычай, заключили бы усло„вія съ его подданными?"

Замѣч. Но какіе же это обычаи, которые могутъ подвергаться измѣненію? — Ужели это можно сказать въ обширномъ смыслѣ о введеніяхъ втораго разряда, нами постановленнаго? — Странно было бы такъ думать: напротивъ, я полагаю, что изъ оныхъ очень не многіе могутъ измѣниться, а усовершенствоваться — получить направленіе болѣе благородное — гораздо высшее, объ этомъ конечно нельзя и сомнѣваться. Кто, напр., можетъ думать, чтобы Посланники или самые Государи, путешествующіе, когда либо впредь не могли пользоваться правомъ ненарушимости или изъемлемости? Такая перемѣна развѣ тогда только могла бы произойти, когда бы Европа опять пришла въ первобытное свое состояніе; но сего, по крайней мѣрѣ въ теперешнее время, никакъ не можно и предполагать. Даже обычаи и

третьяго разряда не всѣ могутъ измѣняться. Для сего только слѣдуетъ вникнуть со всѣмъ вниманіемъ въ источникъ, изъ котораго они проистекаютъ, и въ тѣ цѣли, къ достиженію которыхъ они имѣютъ свое назначеніе. Примѣръ, приведенный Шмальцомъ на счетъ содержанія Посланниковъ, ничего не рѣшаетъ. Конечно — въ разсужденіи обычаевъ такого рода, которые сами по себѣ ничего особеннаго не означаютъ въ сферѣ дипломатическихъ отношеній Государствъ, легко можно согласиться, что они могутъ получить измѣненіе; но истинный, глубокій Дипломатъ болѣе долженъ обращать вниманіе на самые важные, существенные обычаи, введенные между народами. Почему же Шмальцъ не сдѣлалъ сего важнаго раздѣленія и на счетъ онаго замѣчанія? — Это произошло отъ того, что онъ не основалъ, какъ я замѣтилъ выше, Дипломацію на началахъ условныхъ, твердыхъ и постоянныхъ, а принялъ нѣкоторымъ образомъ ее за Науку часто произвольную; но это есть великій недостатокъ. Конечно теоретическія изложенія Писателей не могутъ совершенно отдалить народы отъ прямаго слѣдованія по пути, назначенному имъ законами природы, однако они могутъ имѣть сильное вліяніе по крайней мѣрѣ на уклоненіе отъ оныхъ, и слѣдствен-

но на замедленіе народнаго совершенствованія. — Писатели должны проникать съ возможною точностію въ организмъ политическихъ обществъ и въ организмъ, такъ сказать, всего человѣчества, слѣдить каждый шагъ, каждое направленіе ихъ, и потомъ, раскрывая общія и частныя ихъ цѣли, объяснять, какъ народы должны поступать вообще и въ частности. Чистой произвольности, равно какъ и чистой необходимости, нѣтъ въ нравственной природѣ. Она сама себѣ есть законъ и сама же имѣетъ право поступать такъ или иначе.

„Однако не довольно для законности „обычая того, чтобы какое либо дѣйствіе „часто было повторяемо или какое либо „уступленіе сдѣлано было изъ одной вѣжли„вости. Такъ, напр., по заключеніи важнаго „трактата обыкновенно дѣлаютъ со всѣмъ „должнымъ уваженіемъ подарки Посланникамъ; „но, безъ сомнѣнія, никто изъ нихъ, равно „какъ и самый Дворъ, не можетъ требовать „сего, какъ права, рѣшительно предписан„наго обычаемъ. Но совсѣмъ другое было бы „обстоятельство, если бы нанесено было „оскорбленіе особѣ дипломатической подда„нымъ того Государства, ко Двору котораго „она уполномочена, или оказано было неправо„судіе со стороны начальства какому либо

„иностранцу. Въ томъ и другомъ случаѣ за-
„конность обычая требуетъ вознагражденія."

Залитъ. Но на чемъ сіе основано, этого-то и не сказалъ Шмальцъ. — „Для того, что-
„бы обычай получилъ законную силу, надобно,
„чтобы оный всѣми былъ почитаемъ, при-
„знанъ какъ правило Права, хотя бы и не
„было сдѣлано по сему поводу явнаго объявле-
„нія. Чѣмъ болѣе обычай древенъ, чѣмъ бо-
„лѣе онъ подтвержденъ многократными ак-
„тами, тѣмъ болѣе можно и почитать оный
„признаннымъ отъ всѣхъ Государствъ Евро-
„пы. Впрочемъ, установленіе обычая не за-
„виситъ ни отъ извѣстнаго числа актовъ,
„ни отъ извѣстнаго продолженія времени. —
„Извѣстно, что въ Германіи составляло
„спорный предметъ: могла ли Принцесса до-
„пущена быть къ пріятію на себя высокихъ
„достоинствъ Имперіи и къ подаванію голо-
„са въ собраніи Курфирстовъ, — и уступле-
„ніе сихъ преимуществъ Королевѣ Богем-
„ской, Маріи Терезіи, хотя сей случай былъ
„единственный, достаточно однако для того,
„чтобы основать на ономъ право обычая.
„Одно безпристрастное изслѣдованіе обстоя-
„тельствъ въ частныхъ случаяхъ можетъ рѣ-
„шить: дѣйствительно ли какой либо слу-
„чай признанъ за правило Права, ибо вообще
„трудно обозначить черту, отдѣляющую

„обычай, какъ правило, отъ простаго акта „снисхожденія.“

Замѣч. Это надобно выводить изъ того, какъ важенъ происшедшій какой либо случай. Если какая либо перемѣна въ обычномъ правѣ втораго разряда, нами принятаго, и притомъ, въ дѣйствіяхъ самыхъ главныхъ, допущена Европейскими Государствами; то, безъ сомнѣнія, довольно и одного случая, чтобы обычай получилъ законную силу, ибо оный предполагаетъ обдуманное согласіе другихъ. Напротивъ, обычаи низшаго разряда, сколько бы разъ ни случились, сами по себѣ не могутъ навсегда получить законной силы.

„Одно общее мнѣніе признаетъ обычай „за правило Права; оно всякой разъ поста„новляетъ и отличаетъ оный, и сіе мнѣніе „первоначально открывается единообразіемъ „въ способѣ дѣйствованія, такъ что или „оный не встрѣчалъ до сего времени ни како„го противорѣчія, или, не смотря на про„тиворѣчіе, онъ былъ всегда наблюдаемъ. На„конецъ самымъ очевиднымъ доказательствомъ „обычая, что онъ принятъ, какъ правило „Права, могутъ служить исключенія, кото„рыя сдѣланы въ ономъ, или которыя полу„чили бы извиненіе по частнымъ побуди„тельнымъ причинамъ.

Замѣч. Но на чемъ основывается общее мнѣніе? Ужели оно составляетъ нѣчто произвольное и не имѣетъ основанія своего въ сущности самыхъ вещей? — Думаю — нельзя сего отвергнуть, хотя даже сіе мнѣніе было бы не совсѣмъ основательно. Впрочемъ въ Дипломаціи, подъ именемъ общаго мнѣнія должно разумѣть болѣе, нежели какъ въ обыкновенномъ смыслѣ оно понимается; здѣсь оно по большей части заключаетъ въ себѣ общее согласіе, утвержденное на предположительной обдуманности. Напр., что Французскій языкъ принятъ почти общимъ въ дипломатическихъ сношеніяхъ, или что Европейскіе Государи извѣщаютъ другъ друга о разныхъ происшествіяхъ печальныхъ и радостныхъ, и тому подобное, основаніе сему можно выводить изъ общаго мнѣнія; но что Посланники, какъ сказано мною выше, пользуются особенными, имъ присвоенными, преимуществами, это означаетъ болѣе, нежели обыкновенное мнѣніе.

„Нельзя сомнѣваться, что обычное пра„во можетъ, подобно закону, выводимо быть „чрезъ аналогію; напр., признано, что Госу„дарство, не нарушая права народовъ, мо„жетъ запрещать ввозъ въ свои провинціи „продуктовъ и монеты другаго Государства.

„Слѣдственно Французская Республика

„несправедливо жаловалась на мѣры, приня-
„тыя Англійскимъ Правительствомъ, для вос-
„препятствованія введенія Французскихъ ас-
„сигнацій въ Англіи.

„Вообще право народовъ не основано на
„всеобщемъ договорѣ между націями Европы.
„Оставимъ нѣкоторые умы, непонимающіе
„дѣйствительнаго хода вещей сего міра,
„льститься надеждою и желаніемъ видѣть осу-
„ществленіе такого договора. Если Импера-
„торъ и Папа не могли достигнуть сего въ
„среднія времена, чего можно было бы ожи-
„дать теперь? Самая явная несправедли-
„вость могла бы представить благовидныя
„причины, чтобы прикрыть нарушеніе она-
„го договора. Важность Императора и важ-
„ность Сейма могли ли заставить уважать
„въ разныхъ владѣніяхъ Германіи постановле-
„нія въ отношеніи курса монеты Имперіи,
„и сохранять учрежденный тарифъ? Однако
„существовали Имперскіе Суды. — Серебро,
„такъ названное — условное, получило сіе
„наименованіе почти въ насмѣшку надъ трак-
„татомъ, заключеннымъ между Австріею и
„Баваріею, которой едва одинъ годъ имѣлъ
„свою силу, и слѣдствіемъ коего было толь-
„ко то, что онъ перемѣнилъ именную цѣн-
„ность монеты.“

Замѣч. Удивительно, что Шмальцъ не-

возможность будущаго всеобщаго трактата выводитъ изъ того, что онъ не былъ исполненъ или осуществленъ въ прошедшія времена. Прошедшія времена только показываютъ одно направленіе или стремленіе къ цѣли человѣчества. — Не распространяясь много о семъ (*), я сдѣлаю общее заключеніе, что всеобщій трактатъ между націями есть одна идея, которой осуществленіе состоитъ въ достиженіи высшей степени всеобщаго просвѣщенія, и наконецъ во всеобщемъ раскрытіи физическихъ и нравственныхъ силъ всѣхъ Государствъ Земнаго Шара.

Т. Степановъ.

IV.

БІОГРАФІЯ.

Жизнеописаніе Адмирала Семена Ивановича Мордвинова.

(Продолженіе.)

Въ началѣ 1745 года предписано было Семену Ивановичу ѣхать въ Санктпетербургъ и вступить по прежнему въ присутствіе Коммиссаріатской Экспедиціи. Въ Мартѣ слѣдую-

(*) Я о семъ болѣе скажу въ особенной статьѣ.

щаго года, поручено ему было отъ Коллегіи разобрать дѣла Графа Ѳ. М. Апраксина, которыя съ 1728 года лежали въ анбарахъ. Къ чести Семена Ивановича надобно сказать, что онъ исполнилъ порученіе сіе съ примѣрнымъ усердіемъ. Бумаги Графа Апраксина разобраны съ великою осмотрительностію; и ежели бы онъ сего не сдѣлалъ, то врядъ ли бы и я былъ въ состояніи написать жизнеописанія нашихъ Адмираловъ. Къ сожалѣнію, разбиравшіе бумаги сіи послѣ него, поступали съ ними не весьма осторожно, и разбили даже хронологическій порядокъ оныхъ.

По исполненіи порученія сего, велѣно С. И. Мордвинову ѣхать въ Кронштатъ, и присутствовать вмѣстѣ съ Капитанъ-Командоромъ Паддономъ въ Конторѣ Порта. Въ рукописи его сказано: „опредѣленъ въ Кронштатскую Контору въ присутствіе, во управленіе дѣлъ, какъ по главной командѣ, такъ и по должности Капитана надъ Портомъ; понеже въ тѣхъ должностяхъ были обое Англичане.“

Въ 1746 году, подалъ Семенъ Ивановичъ рапортъ въ Коллегію: что въ 1741 году сочинилъ онъ книгу о морской эволюціи, которую и представилъ бывшему Генералъ-Адмиралу Графу Остерману. Графъ передалъ оную Зотову; а поелику отъ послѣдняго не

представлена она въ Коллегію, то и полагаетъ онъ, Мордвиновъ, что она должна храниться у жены покойнаго Зотова. Коллегія приказала потребовать у ней книгу сію; но по дѣламъ не видно, чтобъ она была возвращена. Въ сіе же время представилъ С. И. Мордвиновъ Коллегіи, что въ Сигнальной книгѣ открылись великія ошибки. Коллегія поручила ему заняться составленіемъ новыхъ сигналовъ. Въ семъ году былъ С. И. въ походѣ съ Вице-Адмираломъ Мишуковымъ, и командовалъ кораблемъ Полтавою. Походъ сей описанъ мною весьма подробно въ Жизнеописаніи А. И. Нагаева.

Въ 1747 году получено было извѣстіе, что въ Булони снаряжается большой приветеръ Лефратъ Данжеръ, назначенный въ Балтійское море. Въ слѣдствіе сего послѣдовало Высочайшее повелѣніе, отправить нѣсколько фрегатовъ для поимки онаго. Коллегія опредѣлила изготовить для сего фрегаты: Воинъ, No 1-й и No 2-й. А Семену Ивановичу Мордвинову предписала: принявъ начальство надъ оными, слѣдовать немедленно въ море. Къ сожалѣнію, не могъ я отыскать журналовъ плаванія сихъ фрегатовъ, но по дѣламъ видѣлъ, что они возвратились въ началѣ Сентября въ Кронштатъ; ибо изъ Великобританніи получено было достовѣрное извѣстіе, что приветеръ сей

взятъ Англійскимъ кораблемъ. По возвращеніи С. И. изъ похода, повелѣно ему опять присутствовать въ Конторѣ Кронштатскаго Порта. Въ рукописи его сказано: „По Имянному секретному Указу, посланъ съ тремя фрегатами въ Балтійское море для изысканія капоровъ. Возвратился въ Кронштатъ въ Августѣ. Въ 1748 году былъ въ морѣ съ Вице-Адмираломъ Баржемъ, и въ Іюлѣ возвратился въ Кронштатъ за болѣзнію. Въ 1749 году, за болѣзнію, въ морѣ не былъ.“

Въ 1750 году представилъ Капитанъ Мордвиновъ обѣщанную 4-ю часть Собранія о Навигаціи. Коллегія поручила разсмотрѣніе оной Контръ-Адмиралу Римскому-Корсакову и Капитану Нагаеву, которые и донесли, что она достойна быть напечатана. По заглавію ея видно, что она вышла въ свѣтъ въ Сентябрѣ 1753 года.

За всѣ литературные труды сіи не получилъ С. И. Мордвиновъ ни какой награды, а вскорѣ по выходѣ книги сей въ свѣтъ, просилъ онъ Коллегію: что хотя сочиненіе его о Навигаціи и напечатано, но онъ не имѣетъ у себя ни одного экземпляра. Коллегія опредѣлила на просьбу сію: Капитану Мордвинову выдать десять книгъ его сочиненія.

Въ рукописи сказано: „Въ 1750 году былъ

въ морѣ съ Вице-Адмираломъ Мишуковымъ; по возвращеніи въ Кронштатъ, скончалась жена моя, 19 Сентября, бывъ больна 17 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ. Въ 1751 пробылъ все лѣто въ Кронштатѣ. Въ 1752 въ Февралѣ обручился съ 17-лѣтнею дѣвицею Наталіею, дочерью Ивана Алексѣевича Еремѣева. Въ Мартѣ отпущенъ въ деревню, гдѣ скончалась при мнѣ мать моя на 75 году отъ рожденія. Въ Сентябрѣ явился въ Коллегію, и вскорѣ опредѣленъ въ Адмиралтейскую Контору Директоромъ, что нынѣ Интендантская Экспедиція."

Въ 1753 году опредѣленъ былъ С. И. въ Совѣтники Адмиралтейской Конторы; а вскорѣ послѣ того повелѣно ему исправлять должность Директора оной Конторы. Сего года въ Декабрѣ, представилъ онъ Коллегіи вновь сочиненную имъ книгу: Толкованіе о Геометріи. Коллегія опредѣлила: отослать оную въ Канцелярію Морскаго Кадетскаго Корпуса, въ разсмотрѣніе Математическимъ Учителямъ. Въ семъ же году опредѣленъ онъ Начальникомъ Штурманской роты, на мѣсто Капитана Малыгина, назначеннаго въ Ригу.

Въ Январѣ 1754 года подалъ Семенъ Ивановичъ прошеніе: что поелику лѣтомъ прошлаго года сгорѣлъ домъ его въ деревнѣ,

а сего Января 20 числа умерла родная тетка жены его, то уволить его для раздѣла оставшагося послѣ нее недвижимаго имѣнія. Коллегія уважила просьбу сію, и С. И. Мордвиновъ, сдавъ Адмиралтейскую Контору Капитанъ-Командору Кашкину, отправился въ путь, и въ Маѣ возвратясь въ С. Петербургъ, получилъ изъ Коллегіи Указъ: явиться въ Кронштатъ къ Главному Командиру.

Въ семъ 1754 году учреждена была, по Сенатскому Указу, особливая Морская Коммиссія, подъ предсѣдательствомъ Вице-Адмирала Я. С. Баржа, которой повелѣно было собрать всѣ узаконенія, ко флоту относящіяся. Вице-Адмиралъ Баржъ требовалъ, чтобы Членами опредѣлить въ оную Капитановъ Мордвинова, Пущина и Лейтенанта Савву Назимова, что Коллегія и исполнила.

Въ 1755 году, повелѣно было С. И. Мордвинову быть Начальникомъ С. Петербургскаго Полковаго двора. Въ Ноябрѣ донесъ онъ Коллегіи, что Вице-Адмиралъ Баржъ скончался, и получилъ указъ, исправлять его должность. Въ Декабрѣ сего жъ года, произведенъ былъ С. И. Мордвиновъ въ Капитанъ-Командоры. Въ рукописи его сказано: „Въ Сентябрѣ взятъ я въ С. Петербургъ и опредѣленъ въ Коммиссію о разсмотрѣніи законовъ, съ Вице-Адмираломъ Баржемъ, который въ томъ го-

ду умре. По смерти его былъ я въ той Коммиссіи главнымъ — лѣтъ восемь."

Въ началѣ 1756 года представилъ С. И. Мордвиновъ составленные имъ въ вышеупомянутой Морской Коммиссіи сигналы, и Коллегія опредѣлила отослать оные для испытанія на флотъ. Въ то же время представилъ онъ компасъ, магнитная стрѣлка коего натерта была, какъ сказано въ представленіи, сталью, то есть: искусственнымъ магнитомъ; ибо до сего времени натирали оныя настоящимъ магнитомъ. Компасъ сей, по испытаніи на флотѣ, оказался гораздо лучше прежняго.

Въ Августѣ сего жъ года, по случаю военныхъ предпріятій противъ Прусскаго Двора, опредѣлила Коллегія изготовить въ Кронштатѣ фрегаты: Вахмейстеръ и Россію, а въ Ревелѣ 54 пушечные корабли: Шлиссельбургъ, Варахаилъ, одинъ фрегатъ и еще фрегатъ Крейсеръ, ежели онъ возвратился изъ Стокгольма. Начальство надъ сею эскадрою поручила Коллегія Капитанъ-Командору Мордвинову, предписавъ ему отправиться какъ возможно скорѣе изъ Кронштата въ Ревель.

(Продолженіе впредь.)

V.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА.

Обозрѣніе новѣйшихъ происшествій.

Франція.

Королевскимъ повелѣніемъ 28 Ноября, вновь пожалованы Кавалерами Почетнаго Легіона лица, получившія сей орденъ съ 20 Марта 1815 по 7-е Іюля того же года (по возвращеніи Наполеона съ острова Эльбы). Въ спискѣ, приложенномъ при семъ повелѣніи, означены имена 6 Командоровъ, 335 Офицеровъ и 3,735 простыхъ Кавалеровъ.

Другимъ повелѣніемъ того же дня преобразована Политехническая Школа, которая переходитъ изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ Министерство Военное.

Генералъ Беккеръ назначенъ былъ въ Марсель, Командиромъ 8 дивизіи; но онъ отказался отъ сего званія, и на мѣсто его отправляется Маршалъ Молиторъ. Въ Страсбургѣ назначенъ Маршалъ Мортье Командиромъ 3 и 5 дивизій.

Въ Парижѣ открыты слѣды заговора, котораго цѣлію было возведеніе на престолъ Наполеона II-го; найденъ тайный пороховой заводъ и значительное количество уже заготовленнаго пороха; нѣсколько человѣкъ взято подъ стражу, какъ говорятъ, въ слѣдствіе перехваченныхъ Правительствомъ писемъ Королевы Гортензіи (падчерицы Наполеона).

Король заказалъ въ Ліонѣ на свой счетъ шелковыхъ матерій на 640 тысячъ франковъ.

Утверждаютъ, что Австрійскій и Прусскій Посланники въ Парижѣ получили полномочіе для заключенія договора о всеобщемъ обезоруженіи.

Жизнь Доны Маріи, дочери Дона Педро, подверглась опасности отъ неосторожности одного молодаго человѣка, который стрѣлялъ въ цѣль изъ пистолета въ саду подлѣ дома, занимаемаго Герцогомъ Браганцскимъ. Пуля пролетѣла сквозь окно, подлѣ котораго стояла Дона Марія, и разбила зеркало, бывшее позади ея, но къ счастію, не причинила ей ни какого вреда.

Палата Депутатовъ.

Въ засѣданіи 28 Ноября слушаны были разныя прошенія, неимѣющія ни какой общей занимательности; потомъ утверждены счеты издержекъ Палаты, и за тѣмъ приступлено къ преніямъ объ измѣненіяхъ въ Уголовномъ Законодательствѣ, которыя продолжались и въ слѣдующіе дни. Въ засѣданіи 29 Ноября, Г. Лашезъ предложилъ измѣнить образъ раскладки податей, назначенный закономъ 26 Марта 1831 года; предложеніе сіе передано въ Коммиссію, разсматривающую бюджетъ. Въ засѣданіи 30 Ноября, Г. де Сенъ-Крикъ представилъ докладъ Коммиссіи, разсматривавшей предложенный Министерствомъ проектъ закона о транзитѣ. Коммиссія полагаетъ принять оный съ нѣкоторыми измѣненіями. Въ концѣ засѣданія, Г. Беррье подалъ Президенту новый проектъ закона о выборахъ въ Депутаты: оный состоитъ въ томъ, чтобы каждый гражданинъ, имѣющій 25 лѣтъ отъ роду и платящій подати (исключая только слугъ), имѣлъ

право подавать голосъ въ собраніяхъ общинъ, которыя должны назначать избирателей, а сіи последніе Депутатовъ, по принятому прежде порядку. Проектъ сей переданъ, по обыкновенію, въ Отдѣленія Палаты, которыя единогласно не дозволили чтенія онаго въ публичномъ засѣданіи. 30 Ноября Министръ Финансовъ Баронъ Луи предложилъ отъ имени Правительства проектъ закона о разрѣшеніи взимать подати и налоги до 1-го Апрѣля 1832, на основаніи бюджета 1831 года, и о назначеніи Министерству кредита въ 360 милліоновъ на счетъ доходовъ будущаго года, для покрытія разныхъ издержекъ. Въ рѣчи, произнесенной Министромъ при семъ случаѣ, старался онъ доказать необходимость сей мѣры, основанной на томъ, что бюджетъ 1832 года не можетъ быть разсмотрѣнъ и утвержденъ Палатами до 1 Января 1832. Проектъ сей переданъ въ Отдѣленія Палаты. На другой день Исправляющій должность Военнаго Министра Графъ Себастіяни предложилъ проектъ закона объ увеличеніи бюджета Военнаго Министерства на 1832 годъ, 2.800,000 фр. для продолженія и окончанія крѣпостныхъ работъ въ Парижѣ, Ліонѣ и Греноблѣ. Проектъ сей переданъ въ Коммиссію, разсматривающую бюджетъ. За тѣмъ Г. Гле-Бизуань сдѣлалъ предложеніе объ измѣненіи нѣкоторыхъ параграфовъ Устава (*réglement*) Палаты. Положено заняться онымъ послѣ бюджета, и слѣдственно предложеніе сіе не будетъ имѣть ни какихъ послѣдствій, ибо Палаты обыкновенно распускаются тотчасъ по утвержденіи бюджета. Въ семъ же засѣданіи Г. Гастанъ де Ларошфуко произнесъ

при разсужденіяхъ объ измѣненіи Уголовнаго Законодательства примѣчательную рѣчь, въ которой старался доказать, что единственное средство уменьшить число вторичныхъ преступленій (*les recidives*), есть улучшить состояніе освобожденныхъ галерныхъ невольниковъ. „Вамъ извѣстно, Господа,“ сказалъ онъ: „что вторичныя преступленія совершаются во Франціи несравненно чаще, чѣмъ въ другихъ странахъ: ихъ бываетъ въ годъ отъ 150 до 180. Всѣ мы согласны въ томъ, что единственное средство предупредить оныя есть улучшить состояніе преступниковъ. Люди благополучные всегда добродѣтельны. Это неоспоримо доказываетъ благотворительность одной Августѣйшей Особы, которая, употребляя ежегодно болѣе милліона франковъ на дѣла богоугодныя, обращаетъ значительную часть сей суммы на улучшеніе состоянія и нравственности освобожденныхъ галерныхъ невольниковъ, и нѣтъ еще примѣра, чтобы кто либо изъ людей, такимъ образомъ содержимыхъ, совершилъ вторичное преступленіе. Съ тѣхъ поръ, какъ производится раздача сихъ пособій, число подобныхъ преступленій, совершаемыхъ галерными невольниками, значительно уменьшается: въ 1826 было оныхъ 179, въ 1827 году 173, въ 1828-мъ 152, въ 1829-мъ 153.“ Другою причиною многочисленности вторичныхъ преступленій Ораторъ полагаетъ то, что дѣти, совершающія преступленія безъ умысла, содержатся въ тюрьмѣ съ ворами или преступниками, и выходятъ оттуда въ шестнадцать лѣтъ безъ всякаго воспитанія, кромѣ того, которое получаютъ они отъ гнусныхъ своихъ товарищей въ заклю-

ченіи. „Изъ отчета Г. Министра Юстиціи,“ сказалъ онъ:—„видно, что изъ 100 вторичныхъ преступленій, 37 совершаются молодыми людьми, наказанными въ дѣтствѣ за первое преступленіе. Для истребленія сего зла, мы требуемъ не новыхъ издержекъ или многостоящихъ заведеній, но только назначенія особыхъ тюремъ для каждаго разряда преступниковъ. Такимъ образомъ дѣти могли бы быть заключаемы въ одной тюрьмѣ, въ которой, для улучшенія ихъ нравственности, слѣдовало бы только завести школу взаимнаго обученія и устроить приготовительное училище искусствъ и ремеслъ для того, чтобы они въ послѣдствіи могли честнымъ образомъ снискивать пропитаніе.“

Въ засѣданіи 3 Декабря Палата слушала разныя прошенія и потомъ донесеніе Г. Ганнерона, докладчика Коммиссіи, разсматривавшей проектъ закона объ учрежденіи въ разныхъ городахъ складочныхъ мѣстъ. Коммиссія полагаетъ принять оный, съ тѣмъ только, чтобы складочныя мѣста могли быть учреждаемы во всякомъ городѣ, на основаніи Королевскихъ повелѣній. Многіе Депутаты требовали, чтобы разсужденія о семъ проектѣ были отложены на безсрочное время, потому что, лишая портовые города преимуществъ, которыми они съ давняго времени пользуются, онъ могъ бы возбудить страсти и произвести волненіе, опасное въ настоящихъ обстоятельствахъ. Палата опредѣлила назначить въ послѣдствіи время разсмотрѣнія сего закона.

Проектъ закона о раздачѣ акціонерамъ банка части резервнаго капитала онаго утвержденъ

въ засѣданіи Палаты Перовъ 3 Декабря, большинствомъ 87 голосовъ противъ 1.

Въ Journal des Débats и Courier Français утверждаютъ, что въ Коммиссіи Палаты Перовъ, разсматривающей проектъ закона о Перскомъ достоинствѣ, семеро членовъ подали голосъ въ пользу наслѣдственности, и семеро противъ оной; но первый изъ сихъ Журналовъ увѣряетъ, что категоріи Коммиссіею приняты, а второй говоритъ, что онѣ отвергнуты. Докладчикъ еще не назначенъ; впрочемъ, каково бы ни было мнѣніе Коммиссіи, законъ сей, по всей вѣроятности, будетъ утвержденъ въ томъ видѣ, какъ онъ принятъ Палатою Депутатовъ; въ противномъ случаѣ назначеніе 36 новыхъ Перовъ не достигло бы своей цѣли, чего предполагать не возможно.

О Ліонскихъ происшествіяхъ достовѣрно извѣстно только то, что въ окрестностяхъ сего города собрано 20,000 пѣхоты и 6000 кавалеріи, къ которымъ присоединилось нѣсколько небольшихъ отрядовъ національной гвардіи изъ близлежащихъ мѣстъ.

Одинъ изъ новыхъ Перовъ Г. де Бизсмонъ, говорятъ, отказался отъ сего достоинства.

Всѣ пограничныя крѣпости велѣно обезоружить; это уже приводится въ исполненіе въ Лиллѣ, Дуэ и Валансьеннѣ.

Англія.

Четыре изъ кораблей, назначенныхъ для экспедиціи Дона Педро противъ Португаліи и задержанныхъ Правительствомъ, освобождены и отправляются въ Брестъ.

Большая часть такъ называемыхъ Политическихъ Союзовъ намѣрены снова собираться, утверждая, что Королевская прокламація, которою всѣ подобныя общества объявлены противозаконными, до нихъ не касается. Въ Манчестерѣ прибито было по стѣнамъ приглашеніе, которымъ созывали рабочіе классы въ общее собраніе для объявленія правъ человѣка. Правительство приняло всѣ мѣры для предупрежденія безпорядковъ, могущихъ произойти при семъ случаѣ. Въ назначенный день явились на мѣстѣ собранія только отъ 1000 до 1500 человѣкъ, потому что мануфактуристы заперли свои фабрики для того, чтобы работники не могли присоединиться къ сему обществу. Во время засѣданія нѣсколько ложныхъ тревогъ распространяли въ собраніи паническій страхъ, и члены разбѣгались, къ большой потѣхѣ зрителей. Оправившись отъ страха, общество утвердило объявленіе о правахъ человѣка, и назначило двухъ Депутатовъ въ Національный Конвентъ. По окончаніи сихъ важныхъ трудовъ собраніе разошлось, оглашая воздухъ громкими восклицаніями въ честь Гунта, *друга народа*, и ругательствами противъ Епископовъ.

Холера въ Сундерлакдѣ продолжается и открылась въ Ньюкестлѣ.

Турція.

Порта жалѣетъ объ отъѣздѣ Г. Гордона и боится прибытія Г. Стратфордъ Канинга, который, во время перваго своего пребыванія здѣсь, не умѣлъ пріобрѣсти благорасположенія Дивана. Не понимаютъ, почему Султанъ не протестовалъ про-

тивъ назначенія сего дипломата, и что побудило Англійское Министерство снова отправить его въ Константинополь.

Выборъ С. Петербургскаго Кабинета заслужилъ, напротивъ того, всеобщее одобреніе. Г. Бутеневъ изучилъ въ совершенствѣ духъ и общественные нравы Турокъ и пользуется полною довѣренностію Рейсъ-Эффендія, который ничего не дѣлаетъ, не посовѣтовавшись съ нимъ. Недавно Султанъ оказалъ Г. Бутеневу отличіе безпримѣрное: написалъ ему собственноручное письмо по случаю взятія Варшавы. Онъ проситъ сообщить Е. В. Императору Россійскому участіе, принимаемое Его Высочествомъ въ семъ счастливомъ событіи, и поздравляетъ съ нимъ самого Посланника. (Изъ *Allgem. Zeitung*).

Разныя извѣстія.

Брюссельская Палата Представителей отвергнула, послѣ жаркихъ преній, большинствомъ 48 голосовъ противъ 31, предложеніе объ учиненіи слѣдствія о причинахъ неудачи въ войнѣ съ Голландіею.

Изъ Кракова пишутъ, что почти половина Австрійскихъ войскъ увольняется въ отпускъ; остальныя же отправляются большею частію въ Венгрію, куда идетъ также и артиллерія.

Прусскія войска, стоявшія по границѣ, возвращаются въ свои зимнія квартиры на Рейнѣ и главная квартира снова переносится въ Дюссельдорфъ, гдѣ была она до революціи.

Австрійское Правительство старается заключить заемъ въ 30 или 40 милліоновъ флориновъ по 5%, но банкиры еще не рѣшаются на оный

потому что они понесли большіе убытки отъ послѣдняго займа по 4 на сто.

Изъ Сиры пишутъ, что острова Идра и Сира покорились новому Греческому Правительству, подъ условіемъ всепрощенія.

10-го *Декабря.*

VI.

СМѢСЬ.

Театръ.

Волшебный Стрѣлокъ, Опера въ 3 д., музыка Вебера. Представленіе на Больш. Т. 29 Ноября.

Чудесная музыка Вебера, отличныя декораціи, черти, страхи, Саміель въ огнѣ — постоянно привлекаютъ толпу въ Оперу Волшебный Стрѣлокъ: Большой Театръ всякой разъ бываетъ полонъ при представленіи оной. На сей разъ публика вновь наводнила Театръ при вѣсти, что наша примадонна, ея любимица, Г-жа Лебедева, будетъ пѣть въ роли Агаты.

Не распространяясь ни о музыкѣ, ни о превосходныхъ декораціяхъ, ни объ отличной игрѣ Г-на Самойлова и старательной прочихъ дѣйствующихъ; ни о томъ, что Г-нъ Бѣшенцовъ могъ бы съ выгодою быть замѣщенъ другимъ артистомъ, отъ чего Опера много бы выиграла, — мы скажемъ только о Г-жѣ Лебедевой, занимавшей въ первый разъ роль Агаты, о Г-жѣ Шелеховой м., игравшей во второй разъ Анхенъ, и о страшили-

щахъ въ Волчьей долинѣ, устроенныхъ Леманомъ. Объ этомъ еще не было говорено.

Отдавая должную дань похвалы Г-жѣ Лебедевой и даже будучи ревностными почитателями ея таланта, мы должны однакожъ сказать, что роль Агаты, для исполненія коей первое условіе есть звонкій, обширный голосъ, не можетъ покамѣстъ входить въ ея амплуа: доказательствомъ нашему положенію служитъ покойная Иванова, которая съ однимъ своимъ голосомъ, безъ дальняго ученія, превосходно выполняла сію роль. Но небольшой, невыразимо пріятный, серебряный голосокъ Г-жи Лебедевой, исчезалъ и терялся при звукахъ Веберовой музыки. — Впрочемъ и тутъ она пѣла хорошо, по возможности; только нѣсколько Италіянскихъ руладъ вырвались у ней довольно не умѣста. — За то какъ прелестна Г-жа Лебедева въ Ченерентолѣ, въ Деревенскихъ пѣвицахъ!....

Вторую женскую роль, т. е., Анхенъ, занимаетъ теперь Г-жа Шелехова м. съ большимъ успѣхомъ. Поетъ, кажется, съ намѣреніемъ представилъ Агату мечтательною, задумчивою, а подругу ея рѣзвушкою и проказницей, желая, какъ видно, изобразить дѣвушку - Германку, въ двѣ различныя эпохи: Г-жи Лебедева и Шелехова поняли сію мысль и играютъ обѣ роли прекрасно: послѣдняя очень мила и развязна, и поетъ весьма не дурно.

Съ нѣкотораго времени, Оперу Волшебный Стрѣлокъ даютъ съ новыми страшилищами, устроенными Леманомъ,—и толпа имъ плещетъ. Слова нѣтъ, Леманъ исполнилъ свое дѣло хорошо и его красный огонь прекрасенъ; но мы не пони-

маемъ, зачѣмъ бы не поставить всѣхъ ужасовъ Волчьей долины такъ точно, какъ они описаны у Кинда, сочинившаго libretto, или слова, для Оперы? Замѣтьте, что дѣйствіе происходитъ въ Богеміи, странѣ гористой; что предметъ онаго взятъ изъ народной сказки: *Черный охотникъ*; что дѣйствуютъ охотники, и слѣдовательно все должно быть основано на охотѣ. За чѣмъ же Саміель, котораго самъ Каспаръ называетъ *Горный духъ долины сей*, выходитъ изъ дуба, какъ лѣшій, между тѣмъ какъ у Кинда и на всѣхъ Театрахъ Германіи онъ является въ разсѣлинѣ скалы, освѣщенной адскимъ огнемъ? зачѣмъ эти скелеты, съ какой стати? Не ужели думаете, что у Поэта-Германца не достало бы воображенія выдумать ужасовъ получше Лемановыхъ, если бъ нужны были одни безотчетные страхи? — Не говорю уже о воздушной охотѣ и о бумажныхъ чертяхъ, которые возбуждаютъ не ужасъ, а просто смѣхъ; въ Германіи это дѣлается фантасмагоріею: исполинскія привидѣнія, въ неясномъ туманѣ, тянутся по воздуху, при звукахъ роговъ и лаѣ собакъ. Постепенность въ ужасахъ, кои должны увеличиваться при каждой пулѣ, также не выдержана, такъ что при шестой вовсе не является ничего новаго. Всего же забавнѣе, что при седьмой пулѣ, кустъ по лѣвую сторону зрителя превращается въ какое то чудовище, держащее огненную мантію, драпированную какъ на княжескихъ гербахъ, а подъ тою мантіею стоитъ Саміель, сложа руки à la Napoléon! Въ Оперѣ совсѣмъ не то... *Ю.*